

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Меня беспокоит, что в науке снова стали возникать междисциплинарные барьеры. Цеховое сознание приносит ей большой вред. Упоминаю об этом потому, что это связано с одним из тех моментов, осознание которых много лет назад привело меня к идее альтернативной истории.

Я думаю, к ней ведут разные пути. Для меня это диктовалось прежде всего неприятием экономического монизма. Кстати, он не обязательно связан с марксизмом. Он — порождение всего XIX в., на протяжении которого он становился все более активным и агрессивным, а в СССР стал официальной, "единственно верной" идеологией. Сейчас он, слава богу, утратил статус официальной идеологии, но мы вовсе не свободны от склонности интерпретировать историю в экономических категориях, и даже наши либеральные лидеры начала 90-х годов во многом находились в плену экономического монизма, ибо оценивали нас с вами в первую очередь как "экономических животных". Существуют и другие формы монизма - сциентистский, научно-технократический и т.п. Все они ущербны, так как абсолютизируют одну из сторон действительности и строят одномерные, однофакторные объяснительные схемы. Это "проклятие одномерности" тесно связано с идеологией исторического детерминизма.

Противовесом историческому монизму является многоосевая модель общества. Экономическая ось, несомненно, одна из ведущих, но наряду с ней существует еще, по крайней мере, несколько других осей, которые являются равноправными и относительно автономными: прежде всего, социально-этическая, социально-психологическая и эстетическая (чтобы пояснить, о чем речь, скажу, что в самом общем смысле им соответствуют такие инвариантные категории, как добро, справедливость, красота и соответственно их антитезы, противоположности). В рамках такой условной аналитической модели состояние общества выглядит как своего рода проекция совокупности точек, фиксирующих уровень его развития по каждой из этих осей.

Кстати, замечу, что политическая ось представляется мне не независимой, а вторичной, производной. Понятно, что и другие оси тоже не абсолютно независимы друг от друга, а значимость каждой из них непостоянна и варьируется в зависимости от типа общества, эпохи, конкретной исторической ситуации. Иногда экономика определяет в значительной мере все стороны жизни, в других случаях она сама становится производной от изменений, скажем, в моральной сфере. Если мы обратимся к такому историческому примеру, так взрывообразное распространение мусульманства (а это, несомненно, движение в сфере морали), то оно повлекло за собой модификацию всех прочих сфер жизни, в том числе и экономической. Если же мы обратимся к древней

Элладе, то увидим, что там уникальный расцвет культурной и политической жизни произошел на фоне достаточно обычных для того времени экономики и технологии. Таким образом, очевидно, что некоей одной, заведомо первичной доминанты просто не существует.

Я буду говорить лишь о двух осях, по-моему, сейчас ключевых - социально-этической и социально-психологической. В последние десятилетия все большее значение придается этическим факторам, - к сожалению, пока больше в рефлексии, чем в общественной практике. Пример, который выходит, возможно, за пределы темы, это поворот теории бюрократии, носившей на Западе в поствеберовский период сугубо прагматически формальный, социально-инженерный характер, в сторону разработки этических кодексов поведения государственного служащего и признания невозможности ограничиться лишь формально-юридическим регулированием поведения даже чиновничества.

Другой причиной обращения к альтернативной истории для меня было неприятие фатально-пессимистического, одномерно негативного взгляда на динамику российской истории. Я всегда воспринимал историю России как некую драму с серьезными элементами трагедии. Но если мы предположим, что именно такова наша фатально детерминированная историческая судьба и у нас не было реальных шансов на другую траекторию развития, то через один-два логических шага неизбежно возникает тезис о некоей нашей "генетической" национальной неполноценности.

Для меня это неприемлемо не только по соображениям эмоциональным, но и потому, что в истории России всегда присутствует сослагательное наклонение. По крайней мере, с XVIII в. история России - это почти перманентная борьба двух начал. В каждом столетии мы видим одну-две кульминации этой борьбы, по существу - исторических перекрестка, на которых, к сожалению для всех нас, до сих пор, по разным причинам, страна всегда выбирала ошибочную с точки зрения исторической перспективы дорогу, которая в конечном счете приводила ее к социальной отсталости, бесчисленным человеческим трагедиям или просто к историческим "тупикам унижения и горя", как писал когда-то А.Л. Янов.

Чтобы построить такого рода модель, мне пришлось сформулировать некую дихотомию системоцентризма и персоноцентризма как двух "идеальных типов" общественно-исторического развития. При этом водораздел между ними проходит по следующему критерию: что является приоритетным при разрешении имманентных любому обществу моральных конфликтов между индивидом и общностью, что важнее - интересы личности или социального целого? При этом под социальным целым понимаются общности разного уровня — от общины до государства и даже "выше". (В индийском сознании, например, сильна ориентация на приоритет космоцентризма. Для нас важно, что эта дихотомия отражает некую полярность ценностных шкал.)

Персоноцентризму соответствует такая этическая шкала ценностей, в рамках которой человек автономен, самоценен и не сводится к его месту или функции в социальных, природных или каких-либо иных системах. В системоцентризме индивид либо отсутствует вообще, либо представляет собой нечто подчиненное, ценное лишь "постольку-поскольку", как средство достижения неких надличностных целей. В рамках системоцентризма существуют два основных типа морали: на раннем этапе это общинная мораль, позднее постепенно превращающаяся в мораль имперскую. По типу мышления системоцентризму ближе ориентация на традиционализм, поскольку высшей ценностью является стабильность системы, а персоноцентризм предполагает деятельностно-индивидуалистический, динамический тип мышления. Следует оговориться, что этот последний тип мышления совсем не обязательно эквивалентен гуманизму, хотя определенная корреляция между ними, конечно, есть. Тем не менее иногда он может быть весьма антигуманным по отношению к личности. Но важно то, что при этом личность, даже мучимая и терзаемая, все же принимается во внимание как таковая. Здесь уместно вспомнить Н.А. Бердяева, сравнивавшего разные виды тирании: "Старая тирания с кострами инквизиции больше оставляла простора для человеческой индивидуальности, больше считалась с ней. Самая страшная нетерпимость может быть все-таки выражением уважения к человеческой индивидуальности, к духовной жизни человека. Когда церковь отлучает и анафемствует еретика, она признает бесконечную ценность души человеческой и внимательна к ее неповторимой индивидуальной судьбе... Не так страшно, когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личностью, чем когда в самом принципе ее отрицают и заменяют безличными началами".

Важно отметить, что это два полярных видения мира, которым имманентно присущ конфликт. По сути, это два параллельных пути развития цивилизации. Хотя чисто логически второй не есть продолжение первого, но исторически системоцентристский тип был первым, и лишь много позднее от него как бы отпочковался персоноцентризм. Но, с моей точки зрения, это - две принципиально разные дороги. Они то расходятся, то сближаются, а иногда между ними возникают как бы мостики, соединения; это и есть те самые перекрестки. И общество, оказавшись в этой точке, может попытаться перейти на другую колею, что зависит от его готовности к этому, а также от ряда порой довольно случайных факторов. Персоноцентризм после ряда отдельных спорадических вспышек в различные моменты истории и в различных местах к концу XVII в. превратился в господствующий тип социального сознания в таких странах, как Голландия, Англия, отчасти Германия, и с этого плацдарма постепенно, с откатами расширял свое влияние.

Трагедия России в рамках этой дихотомии состоит в том, что она так и не смогла изменить трассу своего исторического развития, хотя несколько раз шансы для этого возникали. Соотношение персоноцен-

тристской и системоцентристской этик в различные периоды российской истории, их распределение по социальным слоям, их динамика и борьба и есть вторая тема моего сообщения. Я постараюсь хотя бы пунктирно обозначить перекрестки в российской истории, т.е. периоды, когда был возможен переход на другую колею.

Первым таким перекрестком, очевидно, является Смутное время, когда впервые в общественном сознании возникли сомнения в единственной возможности того социального порядка, который существовал до тех пор. Персонифицировано это было отчасти в фигуре Лжедмитрия и той шкале социально-политического мышления, которую он принес собою в Москву. Но было слишком рано. Серьезных внутренних предпосылок для изменения курса траектории исторического движения в России еще не существовало. К тому же носители нового образца пришли как завоеватели и держали себя, скажем "не самым дружелюбным образом". Поэтому страна предпочла вернуться, как писал Ключевский, "к безумному молчанию мира".

Однако в течение XVII в. у нас медленно созревали предпосылки для — выразимся осторожно — создания реальных шансов перехода на другую колею развития. И вполне возможно, что, если бы не петровская псевдореформа, история России была бы во многом другой. Скажем, если бы идеология, сложившаяся при дворах царей Алексея и Федора, а также и за кремлевскими стенами, в тогдашнем образованном московском обществе, а затем в значительной мере благодаря Василию Голицыну укрепившаяся в правление царевны Софьи, получила бы в течение некоторого времени возможность для своего спокойного развития, многое могло бы быть по-другому. Это был как бы первый "полушанс". Но Петр, перехвативший скипетр власти, оседлал, подмял под свои сверхсистемоцентристские цели еще слабые ростки глубинной модернизации, смены этико-психологических приоритетов и стереотипов, созревавшие предпосылки для перемен на уровне культурного генотипа, подменив их переменами на уровне сугубо внешнем. Разумеется, это отдельная большая тема, но мне представляется достаточнофундированной точка зрения, что западничество Петра — некий исторический миф. Ведь цель Петра состояла отнюдь не в том, чтобы заимствовать у Запада некие культурные образцы, а, напротив, чтобы взять у него практические инструменты (армия, технологии, организация и т.д.) для укрепления все того же восточного деспотизма, придания ему большей функциональной эффективности.

Следующей точкой бифуркации принято считать заговор верховников 1730 г. Скажем, Струве писал, что кровавая деспотия Ульянова-Ленина возникла только потому, что в 1730 г. Анна Иоанновна победила верховников. Однако я бы не переоценивал реальность существовавших тогда шансов на выбор альтернативного пути. Ведь это было всего через несколько лет после смерти Петра, выкосившего все ко-

лоски персонцентризма. В этом смысле в XVIII в. больше обещало первое десятилетие царствования Екатерины II, все, что связано с деятельностью Уложенной комиссии. Но и тогда, хотя выбор, сделанный посредством Комиссии, составленной из, казалось бы, лучших людей страны, был достаточно добровольным, страна предпочла остаться в рамках все той же колеи.

Два перекрестка, на которых у России были серьезные шансы для реализации иного пути, имели место в XIX в. То, что принято называть ранним декабризмом, было, по существу, выходом на историческую сцену первого поколения российских персонцентристов, сформировавшегося как итог жизни двух непоротых поколений дворян. Это проявлялось различным образом - в так называемом неказенном патриотизме, в движениях в сторону формирования гражданского общества. Ранний период декабризма, связанный с Союзом спасения, с Союзом благоденствия, был временем создания реальных предпосылок для перехода на персонцентристскую колею. Но, как мы знаем, нравственное в своей основе движение трансформировалось в политический заговор с известными результатами — оно было растоптано "медным всадником".

Однако процесс развития персонцентристского сознания не был так же радикально прерван, как в предыдущем столетии, он продолжался и при Николае. И после того как целительную роль сыграло поражение в Крымской войне, в первую половину царствования Александра II стал формироваться новый шанс (я сейчас лишь контурно обозначаю эти перекрестки, я написал об этом целую книжку*). Что существенно выделить в этом периоде, помимо институциональных реформ? Тогда впервые на авансцену русской истории вышла либеральная интеллигенция и на короткое время стала реальным участником и даже лидером социальной модернизации.

Здесь стоит сказать, что в России в отличие, скажем, от той же Англии, персонцентризм развивался не вширь, а вглубь, не выходя за пределы одного слоя - интеллигенции. Причем даже внутри него наряду с либералами существовала группа радикалов, которые по существу были не персонцентристами, а тоже системцентристами, лишь другого типа.

Узость социального основания персонцентризма на том этапе и предопределила его поражение, со всеми трагическими последствиями XX в.

Представляется, что после событий 1881 г. реальной возможности для перехода на иную колею уже не существовало. Хотя по другим осям, в частности по экономической, развитие продолжалось и, более того, начало формироваться альтернативное сознание и в других слоях общества, в третьем сословии, но деструктивные процессы шли быстрее конструктивных.

*Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.

То, что произошло в 1917 г., в рамках нашей модели представляется как головокружительный и очень ловкий кульбит, который совершил системозентризм. Отказавшись от целого ряда привычных своих атрибутов, пожертвовав интересами привилегированной части общества, осуществив полную внешнюю смену идеологии и политической элиты, он сохранил и даже усилил главное - отрицание самостоятельной ценности человеческой личности, ее полную растворенность в интересах системы. Если использовать образ пирамиды, то она была опрокинута на бок, и стихия глубинного системозентризма захлестнула и носителей старой его формы, и носителей альтернативного типа сознания. В тот момент это мало кому было ясно. Многим, причем как сторонникам, так и противникам перемен, казалось, что формируется нечто в самом деле новое. Но с течением времени становилось все яснее, что в 17-м году связь времен вовсе не прервалась; скорее, ушла в пропасть та боковая дорожка персонозентризма, на которую к тому времени перебралось все лучшее, что было в России. Лишь к 90-м годам XX в. мы накопили достаточно сил, чтобы вновь выйти на продуваемый перекресток, на котором опять решается наша судьба на несколько десятилетий вперед.

Подводя итог, я хотел бы сказать, что в эмоциональном плане переживание нереализованных исторических возможностей является необходимым элементом исторического сознания, а в плане интеллектуальном анализ причин этой нереализованности в значительной мере и делает историю наукой, в отличие от истории как хроники событий и процессов, якобы "не имеющих сослагательного наклонения".

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED
CHANCES 53
DISCUSSION 58
L.M. Batkm
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON 64
P.Yu. Uvarov
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An
attempt at stock-taking) 78

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE
XXI ST CENTURY 86
Martin Dinges
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE
"LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF
EVERYDAY LIFE" 96
A.Ya. Gurevich
SUMMING UP 125
V.I. Strelkov
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME
ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY 139

**THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED
AND THE POPULAR MIND**

Neithard Bulst
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social
and religious reactions on pest epidemics in late middle ages 152
P.V. Krylov
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR
A FORCED MEASURE? 186
A.L. Yurganov
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY 194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To
the problem of ethno-confessional self-identification 207

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333